

Взгляд из пустыни

О рождественских стихах Иосифа Бродского

ОНИ ЗНАЮТ, что Иосиф Бродский восьмой год подряд встречает Рождество Христово (по старому стилю) новыми стихами. Они сами собой складываются в единый цикл — дай Бог ему пополняться и пополняться — так же, за отсутствием других примеров, как стихи Пушкина к 19 октября.

Многие охладели к позднему Бродскому, хорят его Музу за безжизненность и монотонность, мне же стихи его продолжают казаться прекрасными. Канун Рождества — лучшее время, чтобы перечитать их и подумать над ними.

Поначалу кажется, что эти стихи вообще не вступают в разговор — ни с читателем, ни со Спасителем (за единственным исключением). Они лишь подают голос, сигнал присутствия — как «да», звучащее в телефонной трубке и не значащее ничего, кроме «я здесь, я продолжаю слушать». Эти стихи — периодическое напоминание о том, что Бог есть у человека, человек — у Бога. Поэтому так важна их регулярность, их календарность.

При более пристальном чтении нетрудно выделить ключевые слова. Первое — «звезда», что в рождественских стихах очень понятно, второе же — «пустыня» («В пустыне, подобранной небом для чуда / по принципу сходства...»; «...а что до пустыни, пустыня повсюду»; «Привыкай к пустыне, милый...»; «чудеса... даже в пустыне находят жильца»). Пустыня у Бродского — пространство бездомности, холода, но прежде всего — одиночества. Это вновь обязывает вспомнить о Пушкине, употреблявшем слово «пустынный» именно в значении «одинокий».

Пустыня и небо не раз уподоблялись друг другу, но только у Бродского, кажется, ощущение бесконечной пустоты неба пронзительно соединено с идеей бытия Божия. Самая дерзкая, самая веская мысль рождественского цикла — мысль о бездомности Бога-Отца, который, как и Сын Человеческий, «не имеет, где приклонить голову» (Матф., 8, 20). Стихи 1989 года (единственные, где появляется слово «Господь» и «Младенец» пишется с заглавной буквы) описывают Рождество как чудо узнавания: «...Господь в Человеческом Сыне / впервые себя узнает на огромном / впотьмах расстоянии: бездомный в бездомном». Бродский пишет о том, как преодолевается пустота неба и земли, о ниточке жизни и смысла, протянувшейся между. О чуде, вне которого земля и небо действительно безразличны друг для друга.

В первом из рождественских стихотворений вифлеемская звезда становится у Бродского зрачком Бога: «...звезда смотрела на землю. И это был взгляд Отца». Рождество Христово — появление точки, на которой взгляд может остановиться: единственной на земле.

Через три года пишется стихи, в которых так же «точечно» с земли видится небо. Взгляд звезды пойман — «...и некуда деться / ей было отныне от взгляда младенца». Этот обмен взглядами — появление связи, залог спасения, и это единственные стихи рождественского цикла, в которых нет слова «пустыня».

Движение и направление взгляда меняются в каждом новом стихотворении. Взгляд выстраивает пространство вокруг себя и по-новому обнаруживает смысл Рождества Христова. «Бегство в Египет» — взгляд, распространяющийся изнутри вон: младенец спит в пещере, а вокруг него стремительно растет золотое свечение, изливающееся и на Израиль («державу чернявых»), и на всю землю. «Presepìo» («презепио» — кукольный рождественский вертеп, очень популярный в Италии) дает взгляд извне и из нашего собственного времени. Здесь в первый и последний раз появляется лирический герой, разглядывающий глиняные игрушки, — а на него, на кукольную мистерию, на землю с ее прошлым и будущим (в том числе — с Рождеством в Вифлееме) смотрит Христос Вседержитель. В стихах 1993 года мир, преобразенный чудом Христовым, глядит на уходящего человека (не автора, не героя — «каждого человека») и благословляет его крестом — звездой в четыре свечи, освещающей будущей «мир без вещей».

В «Колыбельной» 1992 года на голос Марии, укачивающей сына, положены сразу многие темы цикла: и звезда, следящая за сиянием нимба в пустыне, и сама пожизненная пустыня, выводящая к распятию («в ней судьба открыта взору. / За версту / в ней легко признаешь гору / по кресту»), и бесконечная пустыня неба («Не хужей она, чем эта, / лишь длинней. / и любовь к тебе — примета / места в ней»). Звуча почти трагически, колыбельная разрешается светлой (хотя и грустной) кодой: рождественская звезда горит так, «...будто лампу жжет, о сыне / в поздний час / вспомнив, тот, кто сам в пустыне / долгие нас». Звезда-лампа, светящая с неба, как из окна: если есть окно, то есть дом, и в нем много обитателей, и, конечно, не все пустыют.

Стоит вспомнить, что первый сборник Бродского назывался «Остановка в пустыне». Стоит также вспомнить, что жизнь в пустыне всегда считалась восточными христианами, начиная с отшельников Фиваиды, самым надежным путем спасения. Праздновать Рождество Христово с этой мыслью — хорошо и правильно в наступившем 1995 году:

*Помянем нынче вином и хлебом
жизнь, прожитую под открытым небом,
чтоб в нем и потом избежать ареста
земли — поскольку там больше места.*